

ЦЕЛЕПОЛАГАЮЩАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА

© 2015

Н.Р. Джавршян

Мир культуры как семиотическое пространство напоминает форму круга, расширяющегося до бесконечности, вбирающего в себя разные формы мышления и, следовательно, более подходящие языки описания процессов и законов лингвистики и биологии. Обильное использование метафор, заимствованных из этих наук, подтверждает идеи о том, что культура структурируется таким же образом, как язык и живой организм.

Представители пражской школы¹ изучали *язык* начиная с конкретного анализа вплоть до абстрактных конструкций и заканчивая областью поэтики (*поэтической речи*). Они рассматривали язык как функциональную систему, на лингвистическом материале актуализировали общекультурные проблемы и считали, что языковая деятельность оказывает целенаправленное воздействие на систему культуры. В методологическом плане описанная пражскими структуралистами система языка с точки зрения целеполагающих структур изоморфна² достижениям современной нейрофизиологии. В данном контексте культура выступает в роли синтезирующего целого и проявителя с одной стороны мира языка, с другой — мира человека.

Представление о языке как функциональной системе (первый тезис пражцев) имел живой отклик в нейролингвистике 1930-х годов. Если сопоставить “Мышление и речь” (1934) Л.С. Выготского и “Тезисы ПЛК” (1929), то обнаружится много общего. Так, Т.В. Ахутина пишет, что “споры вокруг русского формализма и то движение от сугубо формальных методов к рассмотрению языковых форм с точки зрения их функций, которое было характерной чертой развития русской филологии 20-х годов, равно подготовили выбор структурно-функционального подхода к языку и Jakobsona, и Выготского” [3, с. 383]. Позиции этих ученых объединяло внимание к исследованию не отдельных локальных функций, а функций, соотносимых с целым, образующих функциональные системы. Эти параллели подчеркивают, что школа нейролингвистики, представленная Л.С. Выготским, в дальнейшем А.Р. Лурия (он также был знаком с исследованиями Пражского лингвистического кружка) и другими учеными, относилась с особым вниманием к лингвистическим проблемам, разрабатываемым пражцами. “В неопубликованной монографии “Учение об афазии в свете мозговой патологии” (1940) Лурия ссыла-

ЯЗЫК МОЙ

**Джавршян
Нана**

Размиковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы факультета управления РГУ. Сфера интересов: семиотика культуры, язык в контексте культуры, прикладные семиотические исследования. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: silviad@yandex.ru

¹ Возникновение Пражской школы (Пражского лингвистического кружка [ПЛК]) было не только связано с общими тенденциями европейской науки, но и носило локальный характер. Вокруг В. Матезиуса объединилась группа исследователей славянских и германских языков и литератур, которые отстаивали взгляды структурного и функционального

подхода к языкознанию и литературоведению и вообще к семиологии. В ПЛК вошли чешские ученые, в большинстве ученики В. Матезиуса: Б. Трнка (1895–1984), Б. Гавранек (1893–1978), И. Коржинек (1899–1945), Я. Мукаржовский (1891–1975), Ф. Травничек, Ф. Оберпфальцер, М. Вейнгарт (1890–1939) и др., в 1930-е гг. к ПЛК примкнули ученые более молодого поколения: В. Скаличка (1909–1991), Й. Вахек (1909–199?), Л. Новак, К. Горалек, П. Трост (1907–1987) и другие. В это же время (1928 г.) в Праге Р. Якобсон работал с П. Богатыревым (1893–1975) над тезисами о фольклоре как особой форме творчества. Для кружка имела огромное значение и издательская деятельность. С 1929 по 1939 г. ПЛК издавал “Труды Пражского лингвистического кружка” (“*Travaux de Cercle linguistique de Prague*”). До оккупации Гитлером Чехословакии и разгрома чешской культуры нацистами было выпущено восемь томов. ² “Изоморфизм — понятие математики и логики, означающее соотношение между двумя любыми объектами тождественной структуры. Между элементами изоморфных объектов существует взаимно однозначное отношение: каждому элементу (и отношению между ними) одного объекта точно соответствует один элемент (и отношение) другого объекта, и наоборот” [6].

ется на I, IV, VI, VII выпуски “Трудов Пражского лингвистического кружка” и отдельно на работу Р. Якобсона “К общему учению о падеже” (1956)...” [там же, с. 384]. Конечно, интерес обоих исследователей сосредоточен на афазии и детской речи, но здесь важно указать общий методологический ход, смыкающийся на функциональности речевой деятельности. Идеи Л.С. Выготского, А.Р. Лурия были развиты Н.А. Бернштейном, В.Б. Швырковым, П.К. Анохиным, Ю.И. Александровым.

Дискуссия биологов о целеполагании представляет интерес для областей знания, связанных с функционированием организмов. В общую модель средство—цель можно вписать проблемы о назначении языка, “саморегулируемое сохранение его общности и динамического равновесие (гомеостатика)”. Якобсон ссылается на многочисленные работы биологов, например, Н.А. Бернштейна, в своем обосновании мысли о том, что биология переходит на другой уровень развития, связанный с обоснованием целеполагания: “многочисленные наблюдения и факты во всех областях биологии уже давно указывали на неоспоримую целесообразность устройств и процессов, присущих живым организмам” [4, с. 326]. Для биологии указание на целеполагание есть выход из бесчисленных психологизирующих концепций, в своем развитии организм стремится к жизнеустойчивости. Необходимо также различать следующие метафизические понятия: телеономию у Аристотеля как конечную целенаправленность и телеологию, подчеркивающую, что «все формы организации, которые являются характерными для жизни, “относительны и целенаправлены”, и что любая случайность — это “конверсия некоторой организации”». Телеономия присуща живым организмам (отдельному человеку и виду в целом), стремящимся к конечной цели — выживанию. Телеология более сложное понятие, указывающая на противоречивость случайности и закономерности, хаотичности и организованности, статики и динамики, причинной обусловленности и целенаправленности. Появление языка свидетельствует о новом усложняющемся уровне развития, связанным с ноосферой и использованием языка в своих целях.

Целенаправленность при обращении к исследованиям человека, языка, социального мира, является необходимым условием, так как язык — это определяющий момент в становлении сознания, естественный язык служит базой для интерпретации культурных значений. «Устаревшее убеждение, что “целенаправленность логически не может быть источником развития”, искажает саму природу языка и целенаправленного человеческого поведения» [14, с. 400].

Целеполагание присуще и эволюционным процессам, ибо генетически нельзя объяснить возникающий мир культуры. Якобсон выделяет “три универсальные достижения, принадлежащие исключительно человеку: 1) производство орудий для создания орудий, 2) появление фонологических элементов, выполняющих только различительную функцию, не имеющих собственного смысла, но используемых для построения единиц, которые имеют смысл, а именно — морфем и слов, 3) табуирование кровосмешения, которое убедительно интерпретируется антропологами как необходимое предварительное условие более широкого обмена брачными партнерами, в связи с чем расширяются родственные связи и, далее, возникают экономические, кооперативные и оборонительные содружества” [там

же, с. 401]. Эти достижения способствуют дальнейшему развитию мира культуры, “формированию вспомогательных, вторичных средств, необходимых для образования человеческого общества с его материальной, языковой и духовной культурой” [там же]. Структурный подход к культуре позволяет интерпретировать знаки культуры с точки зрения инвариантности и относительной вариативности, с позиции занимаемого места в системе, а внутренние связи, обнаруживаемые при исследовании структуры культуры, носят иерархический и телеологический характер.

Теория языка Пражской школы перекликается с некоторыми идеями *системной психофизиологии*, предложенными нейрофизиологом Ю.И. Александровым в концепции активного, целенаправленного поведения человека [1, с. 119–157]. Для современной гуманитаристики концепция Ю.И. Александрова должна представлять значительный интерес, так как автору удалось увидеть связи между разными науками, и их достижения использовать для представления сложной *проблемы взаимосвязи структуры субъективного опыта и структуры культуры*. Семиотический подход к языку и культуре и культурный подход к семиотике позволяют найти общие метаэлементы и структуры для описания взаимодействия между субъективным опытом, языком и культурой. Наша задача показать функциональность отношений между структурами субъективного опыта, языка и культуры.

Анализируя физиологические и психические процессы с точки зрения системного подхода, Ю.И. Александров предпринимает попытку создать целостную модель психики, обусловленную пространством культуры. Для автора традиционное дизъюнктивное рассмотрение когнитивных и эмоциональных характеристик поведения человека, то есть раздельное изучение сознания и эмоций, вписывается в аристотелевскую логику, оперирующую оппозиционными парами “земной — небесный”, “нормальный — патологический”, “когнитивный — аффективный” и т.п. Апеллируя к работе К. Левина (1935)³, в которой утверждается, что в психологии наблюдается переход от аристотелевской к галилеевской понятийной структуре, то есть *группирование в оппозиционные пары заменяется группированием с помощью серийных понятий* [5, с. 134–158], Ю.И. Александров формулирует переход от формирования систем, которые *обладают характеристиками “эмоций”*, к формированию систем, реализация которых *определяется проявлением “сознания”*, специально подчеркивая, что вторые не заменяют первые, поэтому поведение обладает *обеими этими характеристиками* [1, с. 143]. Он справедливо критикует понимание сознания, метафорически обозначенного Д. Денеттом как “картезианский театр”, — место, в котором “вся информация суммируется” и возникает сознание» [1, с. 144]. Обращаясь к анализу идей теоретического естествознания и философской онтологии XVII века, автор рассматривает историко-культурную традицию, описывающую живое как механизм, машину, обладающую внутренней энергией и функционирующую благодаря влиянию внешней среды, а человеческие действия — как детерминированные внешней средой, отраженные действия. Так между средой и индивидом возникает *функциональная зависимость, проявляющаяся в причинно-следственных отношениях*, то есть воздействие из внешней среды, причина, влечет следствие. Постоян-

Н. Джавршиян
Целеполагающая
модель культуры
и проблема
языка

³ К. Левин — теоретик гештальтпсихологии, в 1920-е гг. работавший в Берлинском университете (1922–1932). Статья “Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии” была написана в 1930 г., напечатана впервые в 1931 г. В 20-е гг. под влиянием физики сформулировал проблему, в которой характеристики объекта и человеческие действия представлял не с точки зрения их качественной природы (аристотелевская парадигма), а исходя из контекста определенной ситуации в целом. Для этого он использовал понятие поля, и различия в поведении индивида описывал в зависимости от того, в каком поле он находится. Поведение выступает в роли функции, зависящей от сил поля.

ЯЗЫК МОЙ

ство и объективность внешнего воздействия (концепция Р. Декарта) указывают на то, что причины изменения явления кроются *в прошлом* и *вовне* данного явления, то есть изменение порождается и вызывается другим внешним явлением, имевшим место в прошлом. Такую парадигму рассмотрения человеческих действий автор называет *механически-реактивной*.

В данном контексте идей язык метафорически может быть уподоблен организму (эта метафора известна со времен романтизма): в XIX веке организм рассматривали как обособленную от среды и функционирующую благодаря внешним воздействиям систему, которой необходима была причина для динамизации и изменений в организме. В соответствии с этими представлениями, язык мыслился как механический конгломерат, а смысловое пространство языка соотносилось с вневременным миром смысла через этимологические штудии.

В начале XX века традиционное каузальное, причинное объяснение поведения, согласно которому наука имеет дело только с причинностью, уступает место телеологическому объяснению на основе идеи активного целенаправленного поведения человека. В 20–30-е годы XX века ученые активно пользуются метафорой организма в контексте его единства со средой. В своих ранних работах по философско-культурной антропологии “Логика и система наук о духе” (1927), “Философия истории” (1934), “Слои личности” (1938, программный труд) Э. Ротхакер (1888–1965) по-другому интерпретировал ряд семиотических и кибернетических идей немецкого биолога Я. фон Иксюля (1864–1944). В контексте этих идей пражские структуралисты провозглашают понимание языка как живой, функциональной, телеологической структуры (организма), реализующейся в целенаправленной речевой деятельности. Целью говорящего всегда является выражение, то есть “*Язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели*” [9]. При таком понимании языка, причинно-следственное объяснение фактов, представляемое в виде линии от прошлого к настоящему, и изменений — как эволюционирующих, уступает место функциональному пониманию языка, обусловленному будущими изменениями. Язык функционирует не благодаря внешним воздействиям, а вследствие потенциальной возможности к изменению.

От подхода “стимул—реакция” (основные термины — внешний стимул, реакция организма, сенсомоторные связи, изолированное возбуждение отдельных мозговых структур и т.д.), рассматривающего поведение как рефлекторную реакцию, современная нейронаука переходит к рассмотрению индивида, реагирующего активно и целенаправленно. В таком случае между организмом и средой устанавливается “целевая”, а не “стимульная” детерминация. Нейрон является не микросхемой, преобразующей входные воздействия, а живым “организмом в организме”, который *не реагирует, а активизируется* и не “в ответ на”, а целенаправленно, чтобы “получить необходимые для его жизнедеятельности метаболиты”.

Целенаправленность становится базовым принципом для жизнедеятельности организма, то есть активность организма (= языка) есть основа для его существования: “Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показы-

вает, что самой обычной целью говорящего, которая обнаруживается с наибольшей четкостью, является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения *язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели*. Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой оно принадлежит. Славянская лингвистика также не может игнорировать этот актуальный комплекс проблем” [9, с. 17]. Якобсон пишет: “Элементарное требование анализировать все свойства языка, связанные с тем, что язык является инструментом, под углом зрения задач, для выполнения которых эти свойства предназначены, выглядело как смелое новшество” [15, с. 374]. Инструментальность также предполагает субъективность, которая приводит в действие систему языка, фактически речь, поскольку высказывание — это энергия языка, живая ткань, которая всегда телеологична, она несамозаменяющаяся структура, ибо направленность речи есть возможность существования языка, язык должен быть всегда в действии.

Язык и речь, предложение и высказывание — это системы, укорененные в пространстве культуры. Элементы же языка (фонемы, морфемы, слова, синтаксические конструкции) необходимо рассматривать с точки зрения функциональности в системе языка, а элементы речи (высказывания) — в системе целеполагания. Структурная организация языка не локализует отдельные функциональные системы языка, а всегда соотносит их с целостностью языка. Так же, как в речи, индивидуализирующие стилистические элементы организуются исходя из определенных речевых практик, которые являются базой для индивидуального высказывания. Подобным образом субъективность есть функциональное единство сознания и эмоций. Представление о сознании и эмоциях как об отдельных “локализуемых сущностях” (картезианский подход) уступает место единой концепции сознания и эмоций на основе идеи активности и представлению о *функциях как функциональных системах, не локализуемых в отдельных структурах мозга* и соотносимых лишь со всем организмом [1, с. 139]. В свою очередь культура есть функциональное единство естественного и знакового, однако естественное со временем приобретает характеристики знакового, интерпретируясь как культурные и социальные значения.

Согласно теории функциональных систем и целевой детерминации академика П.К. Анохина, живой организм отражает мир опережающе, то есть активность организма в каждый данный момент — ответ не на прошлое событие, а подготовка и обеспечение будущего события. П.К. Анохин дал следующее определение *функциональной системы*: “Системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретает характер взаимосодействия компонентов, направленного на получение полезного результата. При этом текущая активность детерминируется *акцептором результатов действия*, который формируется до реального появления результата и содержит его прогнозируемые параметры” (Цит. по [там же, с. 134]). Развивая теорию функциональных систем, ученик Анохина, В.Б. Швырков, пришел к формированию системной психофизиологии, в которой рассматривал *функцию* как реализующуюся не отдельными структурами или клетками, а их системами [12, с. 18], поэтому следует изучать не

ЯЗЫК МОИ

⁴ В рамках системно-эволюционной теории и системно-селекционной концепции научения В.Б. Швыркова формирование системы обеспечивается путем селекции нейронов из резерва (ранее молчавших клеток) и установлением их специализации относительно этой системы. Специализация нейронов относительно вновь формируемых систем — системная специализация — постоянна, т.е. нейрон системоспецифичен. В основе образования нового элемента опыта лежит не переспециализация уже задействованных нейронов, а установление постоянной специализации относительно вновь формируемой системы части нейронов резерва. См.: [1, с. 136] или [12].

164

«функции» отдельных органов или структур мозга в их традиционном понимании, а формирование системных конструкторов, захватывающих множество разнородных морфологических образований.

Системность в функциональном подходе к языку проявляется и в единстве синхронии и диахронии, их необходимо рассматривать как “взаимодействующие”, а не изолированные системы, что предлагал Ф. де Соссюр. В понимании языка в качестве функциональной системы ее элементы рассматриваются с точки зрения функций в синхронической системе. Впрочем, и об изменениях в языке нельзя судить без учета происшедших в системе перемен — ее перестройки, упрочения, синхронизации функций [10, с. 18]. В синхронии будущие изменения закладываются в процессе формирования, но их можно предвидеть, то есть мы не можем точно указать на них, но мы можем очертить границы вероятности, в которых они возможны. Языковые изменения происходят не механически, а “определяются склонностями воспринимающих эти изменения индивидов; эти склонности проявляются в полном соответствии с тенденциями эволюции” [11, с. 20].

Теория функциональных систем, дистанцируется от редукционизма и элиминативизма. Более продуктивным представляется *системное решение психофизиологической проблемы*, предложенное В.Б. Швырковым [13]. Согласно этому подходу, психическое и физиологическое рассматриваются как разные аспекты одних и тех же системных процессов, организующих активность физиологических элементов в пределах всего организма для достижения тех или иных полезных результатов. Психика в таком случае предстает как субъективное отражение взаимоотношения организма со средой, а ее структура — в качестве взаимосвязанных функциональных элементов. Системогенез имеет место не только в раннем онтогенезе, но и в зрелом возрасте, так как формирование нового поведенческого акта есть формирование новой системы, но с *учетом истории формирования поведения* [2], то есть истории последовательных системогенезов. Базируясь на системно-эволюционной теории и системно-селекционной концепции научения Швыркова⁴, а также современных идеях о “функциональной специализации”, пришедшим на смену идеям о “функциональной локализации”, Ю.И. Александров приходит к выводу о том, что “в процессе формирования индивидуального опыта вновь сформированные системы *не сменяют предсуществующие, но “наслаиваются”* на них, представляя собой “добавку” к ранее сформированным. При этом оказывается, что осуществление поведения обеспечивается реализацией не только новых систем, сформированных при обучении актам, составляющим это поведение, но и *одновременной* реализацией множества более старых систем, созданных на предыдущих этапах индивидуального развития. Следовательно, *реализация поведения есть*, так сказать, *реализация истории формирования поведения*, то есть множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения [1, с. 136]. С точки зрения системной психофизиологии “сознание и эмоции являются характеристиками разных, одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения, представляющих собой трансформированные этапы развития, соответствующих различным уровням системной дифференциации”. Эмоции обеспечивают *минимальный уровень дифференциации* (“хоро-

шо—плохо”), сознание обуславливает *ее увеличение* между организмом и средой [там же, с. 147].

Таким образом, на смену традиционному пониманию локальности функций отдельных органов или структур мозга приходит системное понимание функции как целостного взаимодействия организма со средой. “Под функцией будет пониматься достижение результата в соотношении индивида и среды, обеспечиваемое за счет организации активности элементов в системе”, то есть функция общеорганизменна [там же, с. 138].

Системный подход к языку и культуре весьма продуктивен, поскольку разные аспекты языка и культуры рассматриваются как организованные в системное функциональное целое. “Код, с помощью которого распознается эквивалентность частей и их корреляция с целым, в значительной мере является известным, предписанным набором параллелизмов, которые признаны данной эпохой, культурой...” [16, с. 326–327]. Важно рассматривать не только внутрисистемные отношения в языке, но и отношения системы языка к действительности и мышлению. Системность нельзя считать чем-то заданным раз и навсегда как в языке, так и в культуре. Мы постоянно сталкиваемся с организацией все новых систем, при этом старая система не исчезает, а вытесняется на периферию, уступая место новоорганизованной.

В контексте мира культуры подобный процесс сопровождается с наслаиванием разных культурных знаков. Здесь необходим учет традиции понимания и интерпретации знаков для расшифровки культурных кодов. Современной культуре присущ в целом синкретизм сочетающих целый ряд семиотических средств выражения. Мы не имеем в языке и культуре чистых форм, но можем путем абстракции выделить их для анализа естественных языков и конкретных культур. Первобытным культурам присущ низкий уровень дифференциации, в дальнейшем история разворачивается как усложняющаяся система с более дифференцированными частями, требующими тонкого понимания и расшифровки. Усложняющимся системам свойственно, наоборот, более градуированная функциональная дифференциация и постоянная нацеленность на будущее, что позволяет строить модели развития в настоящем. Функциональность как целеполагание, определенное прагматическими структуралистами, есть важное свойство систем со сложной дифференциацией, обеспечивающее жизнеспособность культуры.

В концепции Ю.И. Александрова подчеркивается сходство сознания и эмоций как систем, имеющих одинаковую архитектуру: содержание сознания связывается не с анализом стимулов или с сенсомоторным связыванием, а с построением моделей результатов (как “внешнего, так и “внутреннего” поведения) и сличением этих моделей с параметрами реально достигнутых результатов, причем поведение разворачивается как непрерывный континуум промежуточных и конечных результатов. *Направленность сознания и эмоций в будущее присуща индивиду на всех уровнях и связывает единой логикой развития процессы разного временного масштаба: от поведения целого организма до активности отдельного нейрона и от систем, формирующихся еще в онтогенезе до дифференцированных систем, созданных социальным опытом. Живая система любого уровня организации не может не заглядывать в будущее.* Будущее является определяющим фактором

Н. Джавриян
Целеполагающая
модель культуры
и проблема
языка

ЯЗЫК МОЙ

развития языковых систем, проявляющимся в связи с целенаправленностью речи. Исследования речи и взаимной коммуникации позволяют говорить об обмене информацией как моста между прошлым и будущим. В мире культуры такой обмен можно квалифицировать не как усвоение культурного и языкового наследия, а конструирование предварительной модели будущего в настоящем потенциальном состоянии. Поведение в каждый данный момент есть программа реализации будущих возможностей, язык есть выражение с целью общения с точки зрения коммуникативных задач, в таком ключе культура может рассматриваться как проект, в который можно вписать языковую и субъективную деятельности.

Опираясь на работы Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна, Ю.И. Александров указывает на необходимость учета культуры как фактора, определяющего развитие психики. Учет культуры позволяет избежать “когнитивного солипсизма” (М. Дональд), рассматривающего когнитивные процессы в связи с мозгом, но в отрыве от культуры. С позиции все той же системной психофизиологии отличие животного мира от человеческого в том, что «животное использует собственный опыт отношений со средой или опыт особи, с которой оно непосредственно контактирует. Человек же использует опыт всего общества, опыт поколений, что принципиально изменяет его возможности в сравнении с животными и отличает “протокультуру” животных от культуры человека». Оценивая результаты своего поведения, человек смотрит на себя “глазами общества” и “отчитывается” ему. “Специальный видоспецифический инструмент отчета — речь” [1, с. 145]. Якобсон, рассматривая вопрос о связи лингвистики и биологии через способы и формы коммуникации, отмечает, что человеческая коммуникация отлична от систем коммуникации прочих живых существ, поскольку она коррелирует с языком, который играет доминирующую роль в общении людей. В этой связи важно и указание Ю.И. Александрова, что человек коррелирует свои действия с требованием общественной нормы и даже при изолированном существовании, вписывается в рамки общественного целого. Отличительными особенностями являются “образная и творческая сила языка, его способность манипулировать абстракциями и фикциями, а также описывать вещи и события, отдаленные в пространстве и/или времени, в противоположность *hic et nunc* сигналов животных; структурная иерархия составляющих языка, которая была названа “двойным членением” в глубоком труде Бубриха 1930 г., то есть дихотомия различительных (фонемных) и значимых (грамматических) единиц с дальнейшим подразделением грамматической структуры на уровни слова или предложения (кодирование единицы vs. кодирование совокупности); использование “двухуровневых” в частности, оценочных, утверждений, наконец, совокупность и обратимая иерархия разных совмещенных функций и операций языка: референтивной, конативной, эмотивной, фатической, поэтической, метаязыковой” [14, с. 387].

Между системными структурами субъективного опыта и культуры могут быть обнаружены аналогии. В описании Александрова актуализация единиц культуры и субъективного опыта обеспечивается за счет одновременной активации элементов, сформированных на последовательных стадиях развития сообщества/индивида. Формирование элементов субъективного опыта зависит от культуры, в которой про-

исходит научение, и от характеристик имеющихся у индивида нейронных, механизм *переспециализации* которых обусловлена особенностями индивидуального генома. Культура не только определяет характер формируемых элементов субъективного опыта (даже такой базовый навык как ходьба является культурозависимым), но влияет на отбор геномов (“ген-культурная коэволюция”), обуславливая, в частности, “культурную комплементарность⁵ геномов” в сообществе [1, с. 150]. Якобсон рассматривает тот же вопрос с позиции языка: “при усвоении ребенком языка скрещиваются природные и культурные факторы: врожденные факторы служат основой для приобретенных” [14, с. 389]. Для Якобсона биологические теории развития языка должны учитывать собственно языковые данные плюс культурный аспект языка. В этом вопросе Якобсон обращается к обоснованию пражскими лингвистами закономерной эволюции, или номогенеза (на основе теории Л.С. Берга), в которой конвергентное развитие (диффузия) присуще как этологии, так и лингвистике. Вместе с тем пражцам свойственен поиск динамического равновесия между конвергенцией и дивергенцией, то есть между приобретаемым и генетическим. Унаследованное и воспринятое тесно взаимосвязаны, то есть дополняют друг друга, только необходимо обнаружить специфически наследственное и специфически культурно зависимое. В связи с этим возникает вопрос: “является ли изоморфизм двух различных кодов, генетического и языкового, результатом конвергентного развития, вызванного сходными потребностями, или же, быть может, основы языковых структур, наложенные на молекулярную коммуникацию, были построены прямо по ее структурным принципам?” [14, с. 389].

Некорректна точка зрения на «культуру как набор инструктирующих стимулов, действующих на субъекта, а субъекта как реагирующего на эти “стимулы-знания”, “усваивающего” культуру. По аналогии с рассмотрением соотношения среда-организм в экологической психологии, культура может быть представлена как искусственно созданный набор эффордансов (термин Дж. Гибсона), которые являются не стимулами, а “предоставителями” возможности сформировать и реализовать определенное поведение. Человек именно *формирует в культуре свой опыт*, а не, как это представлялось ранее, “усваивает” ее содержание или “усваивает элементы общественного сознания”, превращая их в “элементы индивидуального сознания”. Индивидуальный опыт “включает” трансформированный общественный опыт, но не в виде специальных “ассимилированных” на протяжении жизни “элементов общественного опыта”, а как специальную характеристику индивидуального опыта» [1, с. 151]. Якобсон, рассуждая о взаимосвязи языка и культуры, пишет, что “язык является составной частью культуры, но в рамках культуры он в целом функционирует как ее подструктура, фундамент и универсальное средство”. Далее Якобсон, ссылаясь на А. Кребера, К. Клакхона, указывает, что легче определить лингвистику отдельно от культуры, нежели включать в культуру. “Некоторые своеобразные черты естественного языка связаны с тем особым местом, которое занимает язык по отношению к культуре; в этой связи следует прежде всего отметить раннее усвоение языка детьми, а также тот факт, что известные лингвистам языки мира — как древние, так и современные — своей фонологической и грамматической

Н. Джавршиян
Целеполагающая
модель культуры
и проблема
языка

⁵ Комплементарность в молекулярной биологии, взаимное соответствие, обеспечивающее связь дополняющих друг друга структур (макромолекул, молекул, радикалов), определяемое их химическими свойствами.

ЯЗЫК МОЙ

структурой никак не отражают степень культурного развития общества” [14, с. 387]. Нельзя безоговорочно выводить грамматические понятия из мыслительных операций или мировоззрения народа по причине того, что языковое оформление ухаживания, брака, родственных отношений и табу является их необходимым инструментом. Это указывает на решающую роль прагматики языка для социальной антропологии. Культурная семиотика⁶ интерпретирует знаки исходя из контекста культуры, в котором функционируют знаки. Язык есть система знаков (с позиции пражских структуралистов — функциональная система знаков), реализуемая на разных уровнях языковой структуры. Систему знаков языка можно вписать в общую логику развития знаков, чем занимается собственно семиотика. Культурная система подразумевает в открытом или скрытом виде коммуникацию, то есть “какой бы уровень коммуникации мы не рассматривали, он, как и любой другой уровень, предполагает обмен сообщениями того или иного рода и тем самым не может мыслиться в отрыве от семиотического уровня, который в свою очередь отводит главенствующую роль языку” [16, с. 381].

Вопрос единства речи и языка, интеллектуализованной и аффективной речевой видов деятельности получает оригинальное решение в функциональной ономотологии В. Матезиуса. Потребность выражения и коммуникации свойственны всему человечеству, но выразительные и коммуникативные средства различаются в каждом языке. Система языка создается в целях общения, а не выражения. Каждое произнесенное высказывание состоит из двух актов (системы выразительных средств): “из конкретной или абстрактной действительности отобрать отрезки с той целью, чтобы, во-первых, именно на них сосредоточилось внимание будущего говорящего, и, во-вторых, чтобы их удалось закрепить словарным составом языка, о котором идет речь. Второй акт состоит в том, что языковые знаки, обозначающие отобранные отрезки действительности, вступают во взаимодействие друг с другом, в результате чего образуется органическое целое, предложение” [8, с. 150]. Исходя из коммуникативной потребности говорящего, “мы подходим к двум важнейшим направлениям лингвистических исследований: изучение средств и способов называния отдельных элементов действительности и изучение средств и способов объединения этих называний в предложения в рамках той или иной конкретной ситуации” [там же, с. 150]. В этой ситуации мы движемся от речи к языку и от функциональных потребностей к формальным средствам, следовательно, соответствующие лингвистические дисциплины можно назвать функциональной ономотологией и функциональным синтаксисом. Функциональная грамматика исходит из потребностей говорящего, то есть является грамматикой ономастиологической, семасиологической грамматикой — из потребностей слушающего.

Таким образом, субъективность с помощью естественного языка получает смысловое воплощение в пространстве культуры, но это смыслополагание зависит от изменчивой историко-культурной реальности и актуализируется с помощью различных систем знаков, артефактов культуры. С точки зрения культурной семиотики мы можем последовательно сопоставить “signans” и “signatum” в строении знаков культуры, выявляя различные функции знаков культуры и неоспоримую телеологичность.

⁶ Не путать с семиотикой культуры — дисциплиной, рассматривающей взаимодействие разнородных семиотических систем, внутреннюю неравномерность семиотического пространства, необходимость культурного и семиотического полиглотизма... См.: [7, с. 129].

Литература

1. *Александров Ю.И., Крылов А.К.* Системная методология в психофизиологии: от нейрона до сознания // *Идея системности в современной психологии.* М.: ИПРАН, 2005. С. 119–157.
2. *Александров Ю.И.* Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
3. *Ахутина Т.В.* Роман Якобсон и развитие русской нейролингвистики // *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования.* М.: Истина, 1999. С. 383.
4. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Изд-во РГГУ, 1966. С. 326. или См.: *Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // *Якобсон Р. Избранные работы.* М.: Прогресс, 1985. С. 398.
5. *Левин К.* Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // *Психологический журнал.* 1990. Т. 11. № 5. С. 134–158.
6. *Лопатников Л.И.* Экономико-математический словарь. М.: Дело, 2003.
7. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // *Лотман Ю.М. Избранные статьи.* В 3-х т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992.
8. *Матезиус В.* О системно-грамматическом анализе (1947) // *Матезиус В. Избранные труды по языкознанию.* М.: Едиториал УРСС, 2003.
9. Тезисы 1а // *Пражский лингвистический кружок.* М.: Прогресс, 1967. С. 17.
10. Тезисы 1б // Там же. С. 18.
11. Тезисы 1г // Там же. С. 20.
12. *Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. М.: ИП РАН, 1995.
13. *Швырков В.Б.* Нейрофизиологическое изучение системных механизмов поведения. М.: Наука, 1978.
14. *Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // *Якобсон Р. Избранные работы.* М.: Прогресс, 1985.
15. *Якобсон Р.* Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // *Новое в лингвистике.* Вып. IV. М.: Прогресс, 1965.
16. *Якобсон Р.* Язык в отношении к другим системам коммуникации (1970) // *Якобсон Р. О. Избранные работы / Пер. с англ., нем., фр. Пред. Вяч. Вс. Иванова, сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева.* М.: Прогресс, 1985.

Н. Джавршян
Целеполагающая
модель культуры
и проблема
языка